

УДК 911.3
ББК 63.5

Александр Николаевич Новиков
кандидат географических наук, доцент,
научный сотрудник,
Институт природных ресурсов экологии и креологии СО РАН,
старший научный сотрудник,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Дина Борисовна Сундуева
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Татьяна Владимировна Бернюкевич
доктор философских наук,
старший научный сотрудник,
Институт природных ресурсов экологии и креологии СО РАН,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Маргарита Ивановна Гомбоева
доктор культурологии, профессор,
старший научный сотрудник,
Институт природных ресурсов экологии и креологии СО РАН,
зав. кафедрой теории и истории культуры, искусства и дизайна,
Забайкальский государственный университет
(Чита, Россия), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com

Ассимиляционные процессы и стратегии позиционирования культурной идентичности субэтнических групп Байкальского региона в условиях трансграничья¹

Статья посвящена выделению и описанию двух стратегий определения идентичности субэтнотами Байкальского региона и их позиционирования в культурно-географическом пространстве трансграничья. Описаны стратегии: диффузии идентичности и сохранения этнической идентичности на основе мобилизации этнической, коллективной идентичности и наличия фактора внешнего патернализма. В работе определены культурно-географические особенности и специфика анализа формирования и стратегии позиционирования этнической идентичности с использованием возможностей социолингвистического подхода к исследованию феноменологии самоидентификации локальных субэтнических групп (шилкинские хамниганы и русское старожильческое население Монголии).

Ключевые слова: культурная идентичность, Байкальский регион, шилкинские хамниганы, ассимиляционные процессы, ассимилирующиеся этносы, трансгранижье, диффузия идентичности.

¹Статья выполнена в рамках Государственного задания вузу на выполнение НИР № 6.3777.2011 по теме «Культурное наследие и идентичность в условиях трансграничья»

Aleksandr Nikolaevich Novikov

*Candidate of Geography, Associate Professor,
Researcher, Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Dina Borisovna Sundueva

*Candidate of Philology,
Senior Researcher,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Tatiana Vladimirovna Bernyukevich

*Doctor of Philosophy,
Senior Researcher,
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Margarita Ivanovna Gomboeva

*Doctor of Culturology, Professor,
Senior Researcher
Institute of Natural Resources, Ecology and Cryology,
Siberian Branch, Russian Academy of Sciences,
Transbaikal State University
(Chita, Russia), e-mail: m.i.gomboeva@gmail.com*

Assimilation Processes and Positioning Strategies of Cultural Identity of Subethnic Groups of the Baikal Region in Transborderland Conditions

The article is devoted to selection and description of two strategies of identity determined by subethnoses of the Baikal region and their positioning in cultural and geographical space of transborderland. The described strategies are: diffusions of identity and preservation of ethnic identity on the basis of mobilization of ethnic, collective identity and the existence of an external paternalism factor. Cultural and geographical features and specific character of the formation analysis and positioning strategy of ethnic identity with the use of opportunities of sociolinguistic approach to the research of self-identification phenomenology of local subethnic groups (Shilka khamnigans and the Russian old-timers' population of Mongolia) are defined in the work.

Keywords: cultural identity, the Baikal region, Shilka khamnigans, assimilation processes, assimilating ethnoses, transborderland, identity diffusion.

Актуальность темы. Трансграничное культурное пространство обладает диалектическим континуально-дискретным свойством, проявляющимся на двух уровнях: межэтническом и внутриэтническом. Межэтническое диалектическое континуально-дискретное свойство проявляется: с одной стороны – в целостности (континуальности) культурного пространства, обеспечивающегося культурной диффузией этносов, сопровождающейся ассимиляцией; с другой – в дискретности (прерывистости) культурного пространства, как

поиска культурной идентичности этноса, своеобразной реакцией на ассимиляцию. Внутриэтнический уровень континуально-дискретной диалектики трансграничного культурного пространства обеспечивается разделением единого этноса на различные субэтнические группы, которые, имея единую этнонациональную историю формирования своего населения, идентифицируют себя с различными этническими или культурными группами.

Поиски культурной идентичности этноса-ми в условиях глобализации и трансграничной

интеграции в современной географической науке называют регионализацией. Она рассматривается как реакция на культурную унификацию, вызванную интеграцией и глобализацией. Поиск и изменение позиции этноса в культурном пространстве трансграничья можно определить как трансграничное позиционирование культурной идентичности этноса. Этнокультурная идентичность – явление историческое и динамическое, изменяющееся во времени и, в том числе, благодаря миграции этносов в пространстве региона.

Формы проявления содержания понятия идентичности в культурно-географическом смысле включают: специфическое позиционирование этносов в культурно-географическом пространстве Байкальского региона (чувство пространство); представление места как совокупности признаков, отбор важнейших признаков места (доминантный подход), индивидуальность характеристик уникальности места, основанность на реальности, созданной как природой (наблюдаемые объекты), так и людьми (пространственные стереотипы).

Проблемы формирования и репрезентации культурной и этнической идентичности достаточно полно изучались многими научными дисциплинами. Динамичность процессов межкультурного взаимодействия в условиях трансграничья репрезентирует актуальность культурно-географической постановки проблемы, особенно в контексте усиления когнитивного диссонанса субъектов трансграничного взаимодействия.

Исследование актуального проявления культурно-географического позиционирования этнической идентичности вследствие ассимиляционных процессов может служить в качестве фундамента для прогнозирования технологий адаптации и интеграции культур в трансграничном пространстве и разработки эффективных стратегий её элиминирования в процессах межкультурной коммуникации [8, с. 147]. В этом состоит практическая ценность исследования.

Анализ исследовательской литературы, многолетние полевые исследования репрезентации этнической идентичности представителями ассимилированных субэтнических групп в различных социокультурных средах показал необходимость изучения выбора и позиционирования стратегии идентичности в культурно-географическом смысле и перспективность исследования следующих задач и направлений:

– на основании социолингвистических исследований процессов самоидентификации определённых субэтнических групп Байкальского региона описать классификации адаптационных стратегий этносов относительно культурной, языковой, этнической идентичности;

– выявить влияние трансграничного культурно-географического положения на формирование практик позиционирования культурной идентичности этносов Байкальского региона;

– выявить содержание и механизмы трансграничного позиционирования культурной идентичности этносов Байкальского региона;

– рассмотреть роль диффузии идентичности в ассимиляционных процессах на территории Байкальского региона и наоборот;

– определить основные интенции (стратегии) диффузии идентичности этносов Байкальского региона и их культурно-географические детерминанты;

– описать классификацию зависимости качественной определённости ассимиляционных процессов с некоторыми видами стратегий этносов относительно направления диффузии, от обретения культурной идентичности до диффузии идентичности.

Исходным понятием исследования является термин «диффузия культурной идентичности». Диффузия идентичности – термин, разработанный Э. Эриксоном, означающий неопределённость, спутанность представлений человека о самом себе, своей профессиональной пригодности и прочее [42] (Эриксон). В психологии это явление рассматривается как явление возрастное, присущее юношескому возрасту. Основной содержательной характеристикой диффузии идентичности является то, что выбор либо не определён длительное время (как признак инфантильности), либо переходит от одной определённости к другой. Это можно назвать двойной, тройной и т. д. идентичностью, а можно характеризовать как диффузию этнической идентичности как таковой. В процессах межкультурной коммуникации содержание понятия культурной диффузии хорошо изучено филологами, этнографами, антропологами на примере исчезающих культур и языков [3; 6; 7] и культурологами на основе лакуарности межкультурного общения [6, с. 145]. С точки зрения исследования культурной географии, данное проявление диффузии может быть присуще отдельным индивидам и целым группам и связано как с необходимостью адап-

тации к определённым природно-географическим условиям (путём выработки адекватного образа жизни), так и с процессами культурной ассимиляции, связанными с приспособлением к изменяющейся культурной среде, локализованными в рамках определённого историко-культурного и культурно-географического пространства. Примером такой диффузии является идентичность ассимилированных и ассимилирующихся этносов Байкальского региона, который можно определить как триединый трансграничный регион [27, с. 173].

Культурная диффузия обеспечивает континуальность культурного пространства, то есть культурное триединство приграничных территорий восточного стыка границ России, Монголии и Китая. Культурная трансграничная континуальность находится в диалектическом противостоянии с политической дискретностью, которая препятствует обмену культурными ценностями между этносами, локализованными по разные стороны границы. Трансграничное культурно-географическое положение этносов приграничных территорий изменяется в зависимости от соотношения контактности и барьерности границы, наличия титульного этноса и системы отношений с ним. Реализация трансграничного положения проявляется в культурной диффузии, разнообразии процессов идентификации и ассимиляции. В условиях трансграничья этнос стремится актуализировать идентичность, выделиться на фоне других, подчёркивая свою культурную идентичность. Идентичность – категория историческая, черты её трансформируются во времени за счёт культурного обмена с другими этносами. Развивающийся в культурном смысле этнос постоянно переоценивает черты своей идентичности и свою позицию в культурно-географических отношениях с соседними этносами, формируя при этом стратегию изменения своей позиции – позиционирование идентичности в трансграничном культурно-географическом пространстве.

Трансграничное культурно-географическое положение народов Байкальского региона проявляется не только в наличии государственных границ с Китаем и Монголией, но и положении на стыке трёх цивилизаций: христианской, конфуцианской и буддийской [4]. Трансграничное положение на стыке лесной и степной зоны, обусловившей наличие лесостепных ландшафтов с чередованием степных и лесных видов традиционного природопользования этносов.

Методология исследования. Изучение культурно-географического позиционирования современных потомков коренных народов и старожильческого населения региона эффективно осуществить с помощью исследования локальных особенностей этнической самоидентификации, наиболее продуктивным в этом случае является социолингвистический подход. Именно данный подход позволяет выявить характер формирования, функционирования и позиционирования этнической идентичности и самоидентификации определённой субэтнической группы на исследуемой территории. Поскольку язык, как один из важнейших маркеров культурной идентичности, даёт возможность человеку идентифицировать себя в качестве члена той или иной этнической группы и одновременно позволяет идентифицировать другого как чужого, как не принадлежащего к его собственной группе, изменения в языковом сознании обладают характеристиками методологической переменной, позволяющей изучить конкретное состояние локальной группы в контексте его самопозиционирования.

В ситуации утраты языковой идентичности наличествует явление смешения языковых кодов конструирования этнической самоидентификации, которое и стало предметом социолингвистического анализа [25, с. 212].

Существующий задел по данной теме у авторов статьи показал валидность предварительных результатов исследования, полученных с помощью социолингвистического анализа языковой ситуации у коренных народов Забайкалья и у русского старожильческого населения современной Монголии. У данных групп исследовалась структура самоидентификационных признаков Социолингвистический подход к исследованию феноменологии самоидентификации локальной субэтнической группы выявил у потомков коренного народа Забайкалья – тунгусов две из нескольких адаптационных стратегий, которая характерна для локальной субэтнической группы находящейся в условиях двойной ассимиляционной диффузии. При сильных ассимиляционных процессах, которые сопровождаются утратой языка, утратой определенности этнической идентичности, наблюдается явление актуализации этнической самоидентификации как поиска этнической, культурной идентичности. Этот процесс мы назвали диффузией идентичности. Примером проявления диффузии

идентичности является проблема трудности самоидентификации этнической и культурной идентичности представителей данной группы. Основная коллизия проблемы изучения феномена самоидентификации потомков тунгусов – шилкинских хамниган заключается в том, что они идентифицируют себя в качестве тунгусов, однако по процессам внешней идентификации в справочной литературе, в монголоведческих исследованиях их называют хамниганами. При этом, согласно официальной переписи населения России, они зафиксированы как эвенки.

Изучение связи диффузии этнической идентичности и ассимиляционных процессов приобретает особую остроту на фоне наличия двойной и множественной ассимиляционной диффузии, определяющейся не столько отдельными факторами, сколько факторным набором. Ассимиляционный фактор, сочетаясь с некоторыми иными факторами, может оказывать различное воздействие на диффузию, в зависимости от сочетания с этими иными факторами. К сопутствующим факторам, усугубляющим характер самоидентификации исследуемой группы, следует отнести роль социальных кризисов, социально обусловленных кризисов идентичности (девальвация идентичности советского народа), официальных этнических идентификаций, лингвистических классификаций на естественные классификации.

Экспликация изучаемого явления построена на выявлении особенностей самоидентификации шилкинских хамниган, обнаруживающих состояние и тенденции развития этнической самоидентификации локальных субэтнических групп, проживающих в Байкальском регионе в условиях транграничья.

В настоящее время шилкинские хамниганы компактно проживают в с. Зугалай Агинского Бурятского округа Забайкальского края, куда они переселились из сёл Нарин-Талача Карымского района, с. Делюн Шилкинского района в 60-е гг. XX в. Уникальность этой локальной субэтнической группы отражена в произведениях художественно-документального характера. В известной книге С. Зарубина «Трубка снайпера», посвящённой ратному подвигу героя Великой Отечественной войны Семёна Даниловича Номоконова, представителя шилкинских хамниган, в художественной форме даётся яркое описание образа жизни этой группы: «Номоконов – тунгус из рода хамниганов. Его маленький народ живёт в разных местах: в Де-

люне, Средней и Нижней Талачах, в селах близ Вершино-Дарасуна. Так считалось раньше, так пишется и сейчас. Его народ живёт многими обычаями эвенков, но не умеет разводить оленей. Его народ хорошо понимает и бурятский язык, но овец пасти не умеет, не приучен к хлебопашеству. Степные буряты, живущие рядом, считают хамниганов своим народом. Эвенки – тоже своим. Раньше его маленькое, очень древнее племя кормилось только охотой. Когда русские построили железную дорогу, жить стало труднее: паровозы пугали зверей. Тогда люди перекочевали всем родом в верховья реки Нерчи и стали охотиться там [19, с. 25].

Социолингвистический подход позволяет дать описание стратегий поиска представителями субэтнической группы собственной идентичности. При описании совокупности форм существования одного или нескольких языков в их социальном и функциональном взаимодействии традиционно принято использовать три метода изучения (историко-статистический, метод качественных исследований и метод экспертных оценок), основанные на трёх рядах признаков: количественные, качественные и оценочные [5, с. 47]. О количественных признаках языковой ситуации в диахронии в среде шилкинских хамниган свидетельствуют документальные источники XVIII–XX вв. По материалам языка и представлениям населения прошлых лет можно проследить изменение этнического самосознания этой локальной субэтнической группы [37, с. 124.]. По данным С. К. Патканова, в начале XX века численность населения Урульгинской степной думы, говорящего на русском языке, составляла 69,2 %; по-бурятски – 7 %; по-монгольски – 15 %; по-эвенкийски – 8 % [37, с. 127]. Длительное проживание среди русского старожильческого населения Забайкалья на протяжении нескольких столетий оставило след в духовной культуре шилкинских хамниган, определило уклад жизни, его антропонимикон. Родной язык этой локальной субэтнической группы уже к середине XIX века, как отмечает М. А. Кастрен, «несколько обурятился» [37, с. 127].

Ко времени переселения в Агинский округ в середине XX в. шилкинские хамниганы были уже сильно ассимилированы в русскую культуру. При этом данный этап был очередным этапом очередной ассимиляции. В этногенезе тунгусских племен можно вычлени тунгусо-манчжурский, монгольский, русский, бурятский ассимиляционные периоды, которые

нашли отражение в этноисторической памяти интервьюируемых.

Мы там, в Дэлуне жили, по-русски говорили. Сюда приехали бурятами стали. Куда Бог пошлёт нас, туда и ехали. Разговаривали между собой по-русски больше. Стары-то по-своему.

Своеобразие этой группы в отличие от представителей других групп – ононских, кыринских, акшинских и др., составляет и то, что они являются православными по своему вероисповеданию.

Я вот крещёна. *Торгын участок-то* (пер.: на Торгоконском участке) попы крестили. Моё крещёно-то имя Марфа. Я была Марфа. А назвали-то меня по-бурятски. И дали мне имя Намжилма. Видимо, это бабушка назвала, которая принимала меня... Кузьма приезжает когда, громко зовёт: Намдже! Намдже! Это по-хамнигански. Когда жили среди русских, Пасху отмечали. Это как жили в русских деревнях, отмечали. *Чи ярида*. (пер.: ты говори) А чего, куда не знам.

В настоящее время в с. Зугалай проживает 1522 чел., из них 0,3 % составляют представители исследуемой группы [44, с. 416]. В отличие от тех, кто остался жить на прежних местах и впоследствии ассимилировал среди русского населения региона, хамниганы Зугалай сумели сохранить частично свой родной говор, фольклор.

Марфа его мать жила до ся времени. Прожила очень долго. Они знали. А муно (пер.: сейчас...) Они очень знали обычаи. Нас называли эвенками они. А мы-то нет. Эвенки это уже другое. Это на севере эвенки. Мы-то хамниганы просто. А хто мы та-ки, а что мы наделали? Не знам. Вроде нас хамнанами пишут. Нас пишут это хамнига-ны. Старуки песню всё пели. Общедэлунская это песня. *Нютагаа кун дулаадаг бэйшэу?* Пели бабушки. Напьются самогонку бедны, поют. Поют и плачут. Поют и плачут. Они плачут, и мы плачем. А чо они плачут. А чо мы плачем. Не знай. *Дэлюн, Дэлюн! – гэлсэгшэмнай. Дэмыш холохон бэйшэл байнадаа.* (пер.: Дэлюн, Дэлюн, мы поем. Не так уж ты и далека, моя родина!) Это чисто хамниганска песня. Бабушки бедны. *Нютага кун дулаадаг бэйга*. Значит и нам плакать надо. Это детство наше. Оне не тосковали, они жили тут, детьми приехали. Оне своих, которы на фронте погибли, они их вспоминали, плакали.

Родной язык (говор шилкинских хамниган, диалект монгольского языка) в настоящее время функционирует в семейно-бытовой сфере в среде представителей старшего поколения. Основным языком общения внутри группы является русский язык.

В детстве мы вообще не разговаривали на своем. Дети, они только понимают по-хамнигански,

но и по-бурятки знают. Уже свой язык они забыли. Все по-русски. Кузьма-то *бабушкатэй бэйхан* (пер.: с бабушкой жил). Бабушка Степанида недавно наша умерла. Он должен был, Кузьма, говорить. Тоже никого, ни бум-бум. Никто не воздвигал нас... Такого не было. Когда сюды приехали, сначала так было: У-у, *хамнигадуд* (пер.: хамниганы) У-у, *бурядуд гэдлэ* (пер.: буряты) говорили. *Бэе-бэе...* (пер.: друг друга). Но все равно не те отношения поначалу были//Но конечно не все // *А муно* (пер.: сейчас) ж не разбирамся. Теперь сваты стали все...// *Хамнигадуд гэдлэ ябадагбди* (пер.: хамниганами называемся).

Проживание среди родственного в языковом отношении бурятского народа способствовало сохранению говора хамниган, хотя в целом ощущается значительное влияние со стороны бурятского языка. Это проявляется в переключении и смешении языковых кодов. При постоянном использовании двух языков одновременно, выражающемся в перманентном переключении кодов, носители перестают различать используемые коды [6; 7].

В силу историко-культурных причин они не могут знать и, соответственно, дать точного названия статуса употребляемого языка.

Мы хто пишемся-то? Русски? – спрашивает мужа. Пишемся мы на паспорте эвенки. Торгоконский сельсовет был в то время. Когда паспорта начали выдавать, сельсовет нас записал эвенками. Эвенки... Каки мы эвенки! Вообще ни одного слова не знам! Всяко нас называют... Тунгусы, хамниганы. Мы же ни русски, ни буряты. Так и отошли. Там жили по-русски говорили. Сюды приехали бурятами стали. «Хамни-ган!» – кто кликнет. Ладно. «Бурят!» – кто кликнет. Ладно. Мы щас кто? *Хамнигадуд* (пер.: хамниганы) называемся? Но мы ни туда и ни сюда. Таких людей навалом. *Бурядаар?* (пер.: по-бурятски?) Они по-своему говорят. А если мы скажем? У нас уже не то, не то. А я по-своему говорю. Все равно понимают буряты. Так и выросли, что понять не можем. Обычаи мы не знам. *Хамнигадуд* (пер.: хамниганы) они против бурят разны обычаи. Кузьма-то при матери рос. Можа знат чо. Мать-то имя всё время наказывала по-своему /А у меня нету родных. *Хамниганайл ухибуун юмбидаа*// (пер.: наверное, и я дочь хамнигана)/

Другие примеры экспликации диффузии идентичности:

Кто не понимал нас раньше, те и называли нас так. *Хамнигадуд* (пер.: хамниганы), тунгусы *гэдлэ* (пер.: называли). Щас уже некоторые не считают хамниганами себя. Го-ворят тунгусЫ мы. Недавно слышала по телевизору. Чисто говорят, как мы. Я ещё по-думала: Вай, *ямар манадуд чинде* (пер.: как мы разговаривают). *Бидэ хамнигадуд* (пер.: мы хамниганы), есть щас кыринские хамниганы, борзински, ононски *гэдлэ* (пер.: называются) навалом

всяких. Мы-то вообще разные. В Пасху верим. Вербеники отмечаем. В Нерчинск ездили. Там церква была. Так-то старинный город. *Эндэ дасан* (пер.: здесь дацан). В Агинском церква есть. А шас в дацан ходим. Лишь Бог понял нас.

Мы-то уже не крещёны, родители наши крещёны. Меня Мироном зовут. Обычай? А мы кого! Мы уже русски. Ичиги раньше были. Шептупы назывались. Ремнями завязаны. Северны народы носили. Я первый раз в Шилку поехал *подвязкатэ* (пер.: с подвязками) Гутул завяжем. Ой, русски дразнили нас. В Талаче есть хамниганы. Есть. Но они уже русски.

В интервьюировании представителей группы наблюдается устойчивость доминанты территориальной и культурной дифференциации своей группы от другой, иной.

Они вот други уже хамниганы. Мы-то шилкински. Кырински-то хамниганы, они как бы сонголы, а мы, шилкински, больше говорим когда, на «ч» отдаётся больше. Мы другие были. А так ничего другого не было. *Тоориэн галуунуд шэнги* (пер.: как затерявшиеся гуси). Хамниган тоже *тиже кэлэкэ* (пер.: так скажет) *бурядаар* (пер.: по-бурятски) не принимали, *хамниганаар* не знам путём. А будто бы всё также, а речь идёт другая. А всё равно други мы. *Хамниган муноо буряад болоно*, (пер.: хамниганы буря-тами становятся), *буряадхамниган болно* (пер.: бурят хамниганом становится) *тигээдлэ ябналдида* (пер.: так и живём).

«Местечковая», сублокальная дифференция проявляется в следующих текстах:

Дэлюн деревня была сАма хамниганска, раньше колхоз «Шэнэ байдал» по-хамнигански назывался. И потом соединение колхозов началось. Соединили сначала одну деревню. Перва Ульяновка *гэджэ* (пер.: называется) хохлы там жили. Друга деревня – кацапы, третья – мордва. Одна деревня была, Хи́ла называлась. Гураны там жили. Русски так их называли их. Не-е-е, не нас. *Нэгэл бичикин деревня* (пер.: одна ма-ленькая деревня). Пошто-то их так называли. Дэлюнских хамниган-то там мало было. Потом стали колхозы появляться, хамниганы с Талачи, с Торгокона приехали. Так в Дэлюне все хамниганы собрались. Одно время деревни соединяли. Соединят, вот и возись. *Тоориэн галуунуд шэнги, хамниган тоже тигээд кэлэкэ* (пер.: «как затерявшиеся гуси», хамниганы тоже так говорят).

Ещё одной характеристикой культурной диффузии являются примеры переключения или смешения языковых кодов: русского, бурятского языков и говора шилкинских хамниган. В приведённом примере при переключении кодов используются русский, бурятский языки, отдельные лексемы говора шилкинских хамниган. В известной работе (Tabouret-Keller, 1985, с. 202) в отношении языка вводятся понятия «сфокусированности» и «диффузности». В

отношении данной группы можно говорить о «диффузности» языкового сознания.

Важнейшим признаком этнической идентификации, характеризующим состояние диффузии идентичности, является амбивалентность и неопределённость системы родства, незначительная степень сохранности элементов традиционной системы родства шилкинских хамниган.

Семён Данилович нашего дедушку *нагацо* (пер.: брат матери) звал. Это же больша родня. Чисто по крови идёт. Семён Данилыч... Как с войны пришёл, помню... Он сразу к нам приехал. Дедушка ещё живой был. Но потом меня увидал. – Это кто приехал? Это Семён, говорит, приехал! Выскочил. Обнимаются. Цалуются. Меня увидал когда, говорит: Эй ты, Кузьма! Вот тебе коня говорит. На, говорит, ухаживай! Ой, я обрадовался. Ой, сяду на него! Ой, пацаны за мной бегают. Японский конь рыжий, высоко-о-о-кий. В Делюн он приехал с войны. Жил-то в Нижнем Стане. Ой, неделю гуляли в Дэлюне. Потом поехал домой, туды, в Нижний Стан. Председатель пять-шесть мешков овса нагрузил коню-то, уехал. Ой, я смотрю, ордена! Ордена-то не видал. Но и потом рядом сяду, держу их. Они тяжёлы же, руками потрогаю. Када он спать лег, о, я одел их, погоны его. Семен Данылыч всё песню пел. Напьётся, всё время эту песню пел: «*Ундэр хадын дабаанда, хандагэй бугонь увро тавья*» (пер.: на высокой горе лось развесил свои ветвистые рога) – вот так вот пел и плакал сильно. И чо-то запомнилось мне это... .

В вышеприведённом тексте приводится пример использования термина родства, воспоминания об известном снайпере, герое Великой Отечественной войны С. Д. Номоконове, дяди информанта по материнской линии. Используемые наименования родственной ветки, термин родства – приняты у монголоязычных народов; названия родов – хамниганские. И, тем не менее, доминантной тенденцией является стремление членов данной локальной субэтнической группы к сохранению своей этнической самоидентификации на основе родоплеменной идентификации. Они пытаются сконструировать названия собственных родов по аналогии с родами ононских хамниган или хоринских бурят.

Мой-то *омог* (пер.: род). *Бидэ кын бишбди?* (пер.: Мы кто? Какого рода?) Сара-дул? Кэн? (пер.: кто?) А мой-то род? *Посогот?* Вообще, *тэрэ боо бэйхан*. (пер.: это был шаман). Его имя это было. *Омог болгоод* (пер.: название роду дали по его имени). Его имя брали. Шаманка так сказала нам, *угэче* (пер.: сестра) его, это сестренница. *Эгшиэ* это по-бурятски. Отцовский *абгай* (пер.: брат отца)

по-хамнигански. *Нагацо гэхэдэ кэни гэнэб? Нагацо-мамын акэй* (пер.: брат матери), материн брат.

В целом, реликты родного языка функционируют в семейно-бытовой сфере и в среде представителей старшего поколения. Основным языком общения внутри группы является русский язык.

В детстве мы вообще не разговаривали на своём. Дети. Они только понимают по-хамнигански. И по-бурятски знают. Уже свой язык они забыли. Всё по-русски. Кузьма-то *бабушкатай бэйһан* (пер.: жил с бабушкой). Бабушка Степанида недавно наша умерла. Он должен был, Кузьма говорить. Тоже никого ни бум-бум.

Проживание среди родственного в языковом отношении бурятского народа способствовало сохранению говора хамниган, который испытывает влияние со стороны бурятского языка. В качественном отношении говор шилкинских хамниган испытывает влияние русской и бурятской культуры, что проявляется в переключении и смешении кодов. При постоянном и одновременном использовании двух языков наблюдается перманентное переключение кодов, носители перестают различать используемые коды [7].

Как выше сказано, основная коллизия проблемы изучения феномена самоидентификации шилкинских хамниган заключается в том, что они идентифицируют себя в качестве тунгусов, однако по признакам внешней идентификации в справочной литературе, в монголоведческих исследованиях их называют хамниганами [10]. При этом, согласно официальной переписи населения России, они фиксируются как эвенки [перепись по округу]. В силу обозначенных причин они не могут знать и, соответственно, дать точного названия для своего идиома. Автор статьи считает, что есть насущная потребность в разведении процессов идентификации и в доверии к этой группе, к их результатам самоидентификации. Осознание человеком культурных норм, образцов поведения, языка, в понимании своего «я» с позиций общепринятых культурных характеристик, в самоотождествлении себя с культурными образцами определённого этноса составляет суть культурной идентичности.

Можно отметить у членов данной локальной субэтнической группы при сильной диффузии идентичности стремление обратиться к ценностям материнской идентичности, в данном случае – тунгусской, и попытки акцентуации поисков и важности этнической самоидентификации. Специфика амбивалентности

и поиска этнокультурной идентичности в процессах самоидентификации группы находится в языковом сознании. Связь диффузии и ассимиляционных процессов приобретает особую остроту на фоне наличия факта поведенческих предпочтений в мультикультурных обществах трансграничья: от политического влияния до индивидуального поиска духовных ценностей коллективного и изменения идентичности в пост-советских мультикультурных обществах с попытками построения метисной, региональной идентичности (гураны, казаки и т. д.).

Наличие диффузии этнокультурной идентичности в обществах с сильным ассимиляционным влиянием детерминировано не столько отдельными факторами, сколько факторным набором. Ассимиляционный фактор, сочетаясь с некоторыми иными факторами, может оказывать углубляющее воздействие на диффузию, в зависимости от сочетания с этими иными факторами. К факторам, повлиявшим на характер самоидентификации исследуемой группы, следует отнести роль государственной статистики и переписи населения, экономические факторы предпочтений этнической идентичности (представители эвенкийской национальности раньше уходят на пенсию, имеются и другие преференции).

При наличии внутригрупповой мобилизации на основе наличия коллективной идентичности старорусского населения Монголии формируются стратегии на сохранение этнической, языковой, культурной идентичности. Данную поведенческую стратегию адаптации сублокальной группы к ассимиляционным процессам мы опишем на примере поведения русского старожильческого населения современной Монголии.

В современной Монголии на постоянной основе проживают около пяти тысяч русских. В целом, имеются две категории русских Монголии: русские старожилы («местнорусские») и «специалисты», появившиеся в разные периоды российско-монгольских экономических отношений. В настоящее время на фоне увеличивающегося количества россиян, проживающих в Монголии, первые составляют своеобразное ядро русской диаспоры, выполняющее функции культурного медиатора. По данным 2008 г., численность русской диаспоры составляла 965 чел., студентов – 693, командированных специалистов – 1793 [38]. Соотечественники, постоянно проживающие в Монголии, объеди-

нены там одним словом – орос, что в переводе с монгольского языка обозначает «русский, российский». Это потомки забайкальских казаков, старообрядцев, крестьян, исконно проживавших на приграничных территориях России и Монголии. Сложившаяся практика именованья данной группы как «местнорусские» выделяет русских старожилов Монголии от остальных представителей русской диаспоры, в определённой степени отражая их исконность. В Монголии данная группа называется местны орос, нутгийн орос, т. е. отечественные русские. Кроме того, в советский период с подачи социалистической идеологии русские старожилы назывались «семёновцами», монголами цагантанууд, т. е. белые или белоэмигранты. Основной проблемой данной группы на протяжении всей её истории в условия инокультурного окружения является постоянная угроза утраты русского старожильчества.

Представителей русской общины Монголии в основном составляют потомки трёх миграционных волн из приграничного с Монголией территорией Забайкалья. Первая переселенческая волна связана с поражением Белого движения в Забайкалье в 1920–22 гг. и уходом в монгольские лесостепи части иркутских и забайкальских казаков, обживавших Северную и Восточную Монголию ещё с конца XIX века. Как известно, большинство из казаков 1-го и 2-го Верхнеудинских полков Забайкальского казачьего войска в 1912–1915 гг. проходило действительную службу в Западной и Центральной Монголии, в Урге, Кобдо, Улясутае, Маймачене. Согласно монгольским источникам, около четырёх тысяч человек из пятитысячного анклава русских колоний, уцелевших в годы гражданской войны в 1920–1921 гг., после установления народно-революционной власти в Монголии выехало в начале 20-х гг. в Маньчжурию, США, часть его вернулась в Россию. Вторая волна переселенцев связана с деятельностью советско-монгольских золотодобывающих концесий, развернувшихся в бассейне реки Еро. Известно, что около четверти всех приисковых наёмных рабочих составляли жители приграничной полосы.

Сегодня потомки русских старожилов Монголии являются в большинстве своём гражданами России, определяют себя как россияне и признают Россию своей исторической родиной. Представители данной группы не только

адаптировались к новой культурной среде, но и сумели успешно интегрировать в современное монгольское общество. Так, среди потомков русских старожилов много образованных успешных людей, получивших признание в Монголии и за её пределами (В. И. Маслов, А. М. Матвеев, И. А. Брилев, В. А. Дунаев и др.).

В статье мы попытались выявить факторы обеспечения устойчивости этноидентификации и условия сохранения определённой группой устойчивости этнической идентичности.

Длительное пребывание этнической общности людей за пределами их происхождения в иноэтническом окружении акцентирует определённые инструменты культурной и этнической мобилизации, одним из основных признаков которой является культурная пропаганда ценностей русской культуры. Одновременно с этим происходит накопление опыта межкультурной коммуникации, осуществляющейся при наличии языкового многообразия как воплощения неповторимости каждого индивида, группы. Другим не менее важным признаком этнической мобилизации на основе культурной идентичности является формирование образа русского мира, образа русского жизнеустройства. Особенно репрезентативен данный тезис в отношении культуры русского старожильского населения. Поскольку культура как система, погружённая во внешний для неё мир, втягивает этот мир в себя и выбрасывает его переработанным по структуре своего языка (Ю. Лотман), то основным культурным медиатором культурной идентичности выступает состояние языка.

Языковой признак является ключевым для идентификации и определения её специфики. Полагаем, что другие признаки, в частности национальная и культурная идентичность, при всей своей важности должны быть рассмотрены в связи с этим фундаментальным признаком. Именно язык задаёт определённые рамки «Русского мира», в рамках которого происходит кристаллизация диаспоры. Доминирующий монгольский язык, являясь языком основного населения Монголии, отчасти определяет ментальные модели языкового сообщества, основанные на определённых социальных репрезентациях, имеющие субъективный характер и автоматически отражающиеся в языке, в создании и восприятии всех речевых продуктов. Зачастую эти социальные репрезентации носят стереотипный характер. Как известно, в языке задействованы стратегии и интенции, стереотипы, установки

и этнические ролевые ожидания. Именно состояние русского языка, задействованного в активный оборот речи русских старожилов, отражает процессы этнической идентификации в направлении обретения устойчивости внутри сообщества. В русле сказанного акцентируется исследовательский интерес к особенностям функционирования русского языка в Монголии.

Основная специфика русской речи в среде потомков русских старожилов заключается «в отсутствии какой-либо специфики», если рассматривать случаи переключения кодов естественным явлением в данной языковой ситуации. Более того, по мнению самих представителей данной группы, их русская речь «более чистая», чем речь «специалистов»: «меньше слов-паразитов», жаргонной лексики. Общение с приезжими специалистами приносят в него некоторые черты современного просторечия. Как показывают исследования в различных уголках земного шара, наблюдается «достаточно единообразная картина особенностей речевого поведения в ситуации доминирования другого языка» [30, с. 34]. В речь активно включаются слова из языка страны проживания, независимо от степени владения этим языком. Например, *пойду в гуанзушку*. Возможно использование иноязычной лексики в целях языковой игры: *пойду-ка выброшу хок*. Или: *Бабы, пошли цывирлить!* В предложении: *Ну, опять пошёл по алям! лексема «айл»* в переводе с монгольского языка обозначает «чья-то семья» употребляется с шутливой неодобрительной коннотацией. С подобной коннотацией зафиксировано употребление лексемы «*хаматан-сатан*» в значении «понаехали родственники». К числу наиболее характерных черт русской речи информантов являются примеры переключения кодов. Например, *майханы взяли?* Естественное переключение кодов также наблюдается в речи юных представителей исследуемого языкового сообщества: *Монгольский я хорошо понимаю/только иногда затрудняюсь/ когда общаюсь с ребятами с худона //А так всё понимаю, что они говорят//* (Сундуева, 2012).

Иноязычное слово употребляется как полноправный элемент русского текста, без перевода его на русский язык. Подвергаются влиянию, прежде всего, те явления русского языка, которые можно считать наиболее удалёнными от центра системы, наиболее пе-

риферийными. В целом можно отметить, что явления, присущие русской речи соотечественников, не стали причиной для утраты литературного узуса благодаря языковой политике Монголии. Изучение русского языка в качестве обязательной дисциплины в учебных заведениях Монголии в социалистический период не только стало основой широкого его распространения в Монголии, но и во многом способствовало его сохранению в среде русских эмигрантов. Сужение функций русского языка в условиях инокультурного окружения не сводилось до уровня семейно-бытового общения. По данным русистов Монголии, русский язык выполнял в монгольском обществе различные функции: языка научно-технической литературы, языка межнационального общения, а также образовательную функцию [41, с. 6]. Таким образом, политика монгольского государства по отношению к русскому языку благоприятствовала сохранению русского языка. Старожилы, постоянно проживающие в Монголии, несмотря на длительное проживание в инокультурном окружении, сумели сохранить свой Русский мир. Сохранению русского языка благоприятствует любовь к России, живой интерес к её истории, к истории своей семьи. Как видим, потеря отдельных функций языка, что неизбежно в сложившихся условиях, не привела к потере духовной самобытности и национальной культуры. Напротив, устойчивость диаспоры к ассимиляции как ещё одна её непреложная отличительная черта достигалась существованием некоего стержня, которым и послужил русский язык.

Известно, что язык, наряду с национальной идеей, исторической памятью, религией, сохраняет, сплачивает этническую общность и не позволяет ей раствориться в иноэтнической среде.

Таким образом, культурно-географический анализ позиционирования локальных субэтнических групп в условиях трансграничья Байкальского региона, выполненный на основе социолингвистического подхода, выявил наличие двух стратегий определения идентичности этносов и локализации в культурно-географическом пространстве трансграничья. Данными стратегиями являются диффузия идентичности и сохранение этнической идентичности в условиях инокультурного влияния на основе этнической мобилизации и внешнего патернализма.

Список литературы

1. Алексеев Д. А. Диалекты бурят-монгольского языка // Учёные записки ЛГУ. 1949. С. 199.
2. Анисимова А. А., Ечевская О. Г. Сибирская идентичность: предпосылки формирования, контексты актуализации. Новосибирск: НГУ, 2012. 176 с.
3. Аргудяева Ю. В. Русские казаки в Трехречье // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: материалы междунар. науч. конф. 22–27 нояб. 2012 / отв. ред. М.В. Константинов. Чита: ЗабГГПУ, 2012. С. 125–135.
4. Бернюкевич Т. В. Место буддийского образования в воспроизводстве буддийского типа личности // European Social Science Journal = Европейский журнал социальных наук. 2012. № 5. С. 15–22.
5. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. Социоллингвистика и социология языка. СПб., 2004. 334 с.
6. Вахтин Н. Б., Головкин Е. В., Швайцер П. Русские старожилы в Сибири. М., 2004.
7. Головкин Е. В. Языковые изменения и конструирование групповой идентичности // Вестник молодых учёных. 2001. Т. 4. Филологические науки. № 1. С. 3–10.
8. Гомбоева М. И., Дашидоржиева Б. В. Лакуна в условиях трансграничного взаимодействия // Гуманитарный вектор. 2012. № 3-3. С. 145–151.
9. Грунтов И. А. Очерк грамматики хамниганского языка // Языки Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия.
10. Дамдинов Д. Г. Аборигены Восточного Забайкалья. Улан-Удэ, 2005. 116 с.
11. Дамдинов Д. Г. Западно-монгольские черты в говоре ононских хамниган // Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. 1975. С. 150–161; О, прародина монголов. Улан-Удэ, 2005. С. 57–67.
12. Дамдинов Д. Г. К вопросу о происхождении ононских хамниган // Из истории народов Бурятии. Улан-Удэ, 1962. С. 169–178; О, прародина монголов. Улан-Удэ, 2005. С. 5–16.
13. Дамдинов Д. Г. О диалектной основе старописьменного монгольского языка // О, прародина монголов! Улан-Удэ, 2005. С. 160.
14. Дамдинов Д. Г. О конных тунгусах Восточного Забайкалья // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1973. С. 138–139; О, прародина монголов. Улан-Удэ, 2005. С. 28–30.
15. Дамдинов Д. Г. Предварительные данные о языке хамниган Чи-тинской области // Краткие сообщения БКНИИ. Вып. 4. Улан-Удэ, 1962. С. 128–137; О, прародина монголов. Улан-Удэ, 2005. С. 16–28.
16. Дамдинов Д. Г. О предках рода Гантимуровых. Чита, 2005. 93 с.
17. Дамдинов Д. Г. Ононские хамниганы (историко-этнографический очерк). Улан-Удэ, 1993. С. 9–22.
18. Дамдинов Д. Г. Улигеры ононских хамниган / сост. Д. Г. Дамдинов; под ред. Л. Д. Шагдарова. Новосибирск: Наука. Сиб. отд. 1982. 272 с.
19. Зарубин С. М. Трубка снайпера. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980.
20. Идеи в культурологии XX века: сб. обзоров // РАН ИНИОН. М., 2000. 180 с.
21. Кириллов И. И. Сквозь мглу тысячелетий и веков. Рассказы археолога о забайкальских древностях // Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2011. 140 с.
22. Константинов А. В. История Забайкалья: с древнейших времен до 1917 года / А. В. Константинов, Н.Н. Константинова; ЗабГГПУ. Чита, 2002. 248 с.
23. Крылов М. П. Категория «идентичность» в контексте проблемы приграничья // Мир психологии. 2012. № 1. С. 137–151.
24. Лиштованный Е.И. От великой империи к демократии: очерки политической истории Монголии. Иркутск, 2007.
25. Любимова Л. М. Этнические аспекты языковой политики // Материалы международной научной конференции «Прошлое и настоящее Северной Азии». Южная Корея. Gyeongsang National University. 2008. С. 210–217.
26. Межуев В. М. Идея культуры. Очерки по философии культуры. М.: Прогресс-традиция, 2006. 408 с.
27. Новиков А. Н. Трехединые трансграничные регионы: симметрия территориальной организации населения и хозяйства // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н.Г. Чернышевского. 2013. Т. 1. № 48. С. 171–178.
28. Платонов Ю. П. Народы мира в зеркале геополитики (структура, динамика, поведение). СПб.: СПбГУ, 2000. 402 с.

29. Позиционирование территорий Байкальского региона в условиях трансграничья. Новосибирск: Наука, 2012. 426 с.
30. Рогова А. С. Особенности языкового поведения русскоязычных иммигрантов в русско-норвежском приграничье // Вопросы языкознания. 2010. № 4. С. 27–35.
31. Сосорбарамын Эрдэнэмаам. Функционирование русского языка в Монголии: автореф. дис. М., 1995. 22 с.
32. Социоллингвистика и социология языка: хрестоматия / отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2012. 588 с.
33. Сундуева Д. Б. Русская языковая личность в культурном пространстве Монголии // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 11. С. 117–121.
34. Тишков В. А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии // Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2003. 544 с.
35. Тогтохбаярын Цэцэгма. История образования русской общины в Монголии // Россия – Монголия: история и современность, перспективы сотрудничества: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. 2009. С. 92–99.
36. Тогтохбаярын Цэцэгма. Социоллингвистическое исследование русско-монгольского двуязычия русской диаспоры г. Улаанбаатара: автореф. дис. Улаанбаатар, 2004. 22 с.
37. Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVII–XX веках. М.: ИНИ-ОН РАН, 2004. 164 с.
38. Ургинские ведомости. 2008. № 10–11. С. 3.
39. Шмелёв А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.
40. Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980. 471 с.
41. Эрдэнэмаам Сосорбарамын. Функционирование русского языка в Монголии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 23 с.
42. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ.; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996.
43. Tabouret-Keller. Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

References

1. Alekseev D. A. Dialekty burjat-mongol'skogo jazyka // Uchjonye zapiski LGU. 1949. S. 199.
2. Anisimova A. A., Echevskaja O. G. Sibirskaja identichnost': predposylki formirovanija, konteksty aktualizacii. Novosibirsk: NGU, 2012. 176 s.
3. Argudjaeva Ju. V. Russkie kazaki v Trehrech'e // Prigranichnoe sotrudnichestvo i vneshnejekonomicheskaja dejatel'nost': Istoricheskij rakurs i sovremennye ocenki: materialy mezhdunar. nauch. konf. 22–27 nojab. 2012 / отв. ред. M. V. Konstantinov. Chita: ZabGGPU, 2012. S. 125–135.
4. Bernjuevich T. V. Mesto buddijskogo obrazovanija v vosproizvodstve buddijskogo tipa lichnosti // European Social Science Journal = Evropejskij zhurnal social'nyh nauk. 2012. № 5. S. 15–22.
5. Vahtin N. B., Golovko E. V. Sociolingvistika i sociologija jazyka. SPb., 2004. 334 s.
6. Vahtin N. B., Golovko E. V., Shvajcer P. Russkie starozhily v Sibiri. M., 2004.
7. Golovko E. V. Jazykovye izmenenija i konstruirovanie gruppovoj identichnosti // Vestnik molodyh uchjonyh. 2001. T. 4. Filologicheskie nauki. № 1. S. 3–10.
8. Gomboeva M. I., Dashidorzhieva B. V. Lakuna v uslovijah transgranichnogo vzaimodejstvija // Gumanitarnyj vektor. 2012. № 3-3. S. 145–151.
9. Gruntov I. A. Oчерк grammatiki hamniganskogo jazyka // Jazyki Rossijskoj Federacii i sosednih gosudarstv: jenciklopedija.
10. Damdinov D. G. Aborigeny Vostochnogo Zabajkal'ja. Ulan-Udje, 2005. 116 s.
11. Damdinov D. G. Zapadno-mongol'skie cherty v govore ononskih hamnigan // Problemy altaistiki i mongolovedenija. Vyp. 2. 1975. S. 150–161; O, prarodina mongolov. Ulan-Udje, 2005. S. 57–67.
12. Damdinov D. G. K voprosu o proishozhdenii ononskih hamnigan // Iz istorii narodov Burjatii. Ulan-Udje, 1962. S. 169–178; O, prarodina mongolov. Ulan-Udje, 2005. S. 5–16.
13. Damdinov D. G. O dialektnoj osnove staropis'mennogo mongol'skogo jazyka // O, prarodina mongolov! Ulan-Udje, 2005. S. 160.
14. Damdinov D. G. O konnyh tungusah Vostochnogo Zabajkal'ja // Problemy jetnogenezы narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Novosibirsk, 1973. S. 138–139; O, prarodina mongolov. Ulan-Udje, 2005. S. 28–30.

15. Damdinov D. G. Predvaritel'nye dannye o jazyke hamnigan Chi-tinskoj oblasti // Kratkie soobshhenija BKNII. Vyp. 4. Ulan-Udje, 1962. S. 128–137; O, prarodina mongolov. Ulan-Udje, 2005. S. 16–28.
16. Damdinov D. G. O predkah roda Gantimurovyh. Chita, 2005. 93 s.
17. Damdinov D. G. Ononskie hamnigany (istoriko-jetnograficheskiy ocherk). Ulan-Udje, 1993. S. 9–22.
18. Damdinov D. G. Uligery ononskih hamnigan / sost. D. G. Damdinov; pod red. L. D. Shagdarova. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd. 1982. 272 s.
19. Zarubin S. M. Trubka snajpera. Irkutsk: Vost.-Sib. kn. izd-vo, 1980.
20. Idei v kul'turologii XX veka: sb. obzorov // RAN INION. M., 2000. 180 s.
21. Kirillov I. I. Skvoz' mglu tysjacheletij i vekov. Rasskazy arheologa o zabajkal'skih drevnostjah // Zabajkal. gos. gum.-ped. un-t. Chita, 2011. 140 s.
22. Konstantinov A. V. Istorija Zabajkal'ja: s drevnejshih vremen do 1917 goda / A. V. Konstantinov, N.N. Konstantinova; ZabGGPU. Chita, 2002. 248 s.
23. Krylov M. P. Kategorija «identichnost'» v kontekste problemy prigranich'ja // Mir psihologii. 2012. № 1. S. 137–151.
24. Lishtovannyj E.I. Ot velikoj imperii k demokratii: ocherki politicheskoy istorii Mongolii. Irkutsk, 2007.
25. Ljubimova L. M. Jetnicheskie aspekty jazykovoj politiki // Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Proshloe i nastojashhee Severnoj Azii». Juzhnaja Koreja. Gyeongsang National University. 2008. S. 210–217.
26. Mezhuev V. M. Ideja kul'tury. Ocherki po filosofii kul'tury. M.: Progress-tradicija, 2006. 408 s.
27. Novikov A. N. Triedinye transgranichnye regiony: simmetrija territorial'noj organizacii naselenija i hozjajstva // Uchjonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N.G. Chernyshevskogo. 2013. T. 1. № 48. S. 171–178.
28. Platonov Ju. P. Narody mira v zerkale geopolitiki (struktura, dinamika, povedenie). SPb.: SPbGU, 2000. 402 s.
29. Pozicionirovanie territorij Bajkal'skogo regiona v uslovijah transgranich'ja. Novosibirsk: Nauka, 2012. 426 s.
30. Rogova A. S. Osobennosti jazykovogo povedenija russkojazychnyh immigrantov v russko-norvezhskom prigranich'e // Voprosy jazykoznanija. 2010. № 4. S. 27–35.
31. Sosorbaramyn Jerdjenjemaam. Funkcionirovanie russkogo jazyka v Mongolii: avtoref. dis. M., 1995. 22 s.
32. Sociolingvistika i sociologija jazyka: hrestomatija / otv. red. N. B. Vahtin. SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2012. 588 s.
33. Sundueva D. B. Russkaja jazykovaja lichnost' v kul'turnom prostranstve Mongolii // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 11. S. 117–121.
34. Tishkov V. A. Rekvjem po jetnosu: issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii // In-t jetnologii i antropologii im. N. N. Mikluho-Maklaja. M.: Nauka, 2003. 544 s.
35. Togtohbajaryn Cjecjegma. Istorija obrazovanija russkoj obshhiny v Mongolii // Rossija – Mongolija: istorija i sovremennost', perspektivy sotrudnichestva: sb. materialov mezhdunar. nauch.-prakt. konf. 2009. S. 92–99.
36. Togtohbajaryn Cjecjegma. Sociolingvisticheskoe issledovanie russko-mongol'skogo dvujazychija russkoj diaspory g. Ulaanbaatara: avtoref. dis. Ulaanbaatar, 2004. 22 s.
37. Uvarova T. B. Nerchinskie jevenki v XVII–XX vekah. M.: INI-ON RAN, 2004. 164 s.
38. Urginskie vedomosti. 2008. № 10–11. S. 3.
39. Shmeljov A. D. Russkij jazyk i vnejazikovaja dejstvitel'nost'. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2002. 496 s.
40. Jeliasov L. E. Slovar' russkih govorov Zabajkal'ja. M.: Nauka, 1980. 471 s.
41. Jerdjenjemaam Sosorbaramyn. Funkcionirovanie russkogo jazyka v Mongolii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1995. 23 s.
42. Jerikson Je. Identichnost': junost' i krizis / per. s angl.; obshh. red. i predisl. A. V. Tolstyh. M.: Progress, 1996.
43. Tabouret-Keller. Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.

Статья поступила в редакцию 05.05.2013 г.